

По морю, морю синему,
По синему, но Хвалунскому
Ходил-гулял Сокол-корабль
Немного – немало двенадцать лет.
На якорях Сокол-корабль не стаивал,
Ко крутым берегам не приваливал,
Желтых песков не хватывал.
Хорошо Сокол-корабль изукрашен был:
Нос, корма – по-звериному,
А бока звездены по-змеиному,
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было вставлено
Два камня, два яхонта,
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо бровей было повешено
Два соболя, два борзые;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было повешено
Две куницы мамурские;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три церкви соборные,
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три монастыря, три почестные;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три торговища немецкие;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три кабака государевы;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три люди незнаемые,
Незнаемые, незнакомые,
Промежду собою языка не ведали.
Хозяин-от был Илья Муромец,

Илья Муромец сын Иванов,
Его верный слуга – Добрынюшка,
Добрынюшка Никитин сын,
Пятьсот гребцов, удалых молодцов.
Как издалече-далече, из чиста поля
Зазрил, засмотрел турецкой пан,
Турецкой пан, большой Салтан,
Большой Салтан Салтанович.
Он сам говорит таково слово:
«Ай вы гой еси, ребята, добры молодцы,
Добры молодцы, донские казаки!
Что у вас на синем море деется?
Что чернеется, что белеется?
Чернеется Сокол-корабль,
Белеются тонки парусы.
Вы бежите-ко, ребята, ко синю морю,
Вы садитесь, ребята, во легки струги,
Нагребайте поскорее на Сокол-корабль,
Илью Муромца в полон бери;
Добрынюшку под меч клони!»
Таки слова слышал Илья Муромец,
Тако слово Добрыне выговаривал:
«Ты, Добрынюшка Никитин сын,
Скоро-борзо походи на Сокол-корабль,
Скоро-борзо выноси мой тугой лук,
Мой тугой лук в двенадцать пуд,
Калену стрелу в косы сажень!»
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой лук натягивает,
Калену стрелу накладывает,
Ко стрелочке приговаривает:
«Полети, моя каленая стрела,

Выше лесу, выше лесу по поднебесью,
Не пади, моя каленая стрела,
    Ни на воду, ни на землю,
А пади, моя каленая стрела,
В турецкой град, в зелен сад,
В зеленой сад, во бел шатер,
Во бел шатер, за золот стол,
За золот стол, на ременчат стул,
Самому Салтану в белу грудь;
Распори ему турецкую грудь,
Расшиби ему ретиво сердце!»
    Ах тут Салтан покаялся:
«Не подай, Боже, водиться с Ильей Муромцем,
    Ни детям нашим, ни внучатам,
    Ни внучатам, ни правнучатам,
    Ни правнучатам, ни пращурятам!»